

НОЧЬ В ПРЕДЕЛАХ ВРЕМЕНИ

АВТОР:
АЛИСА ЧЕРКАШОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛИСА ЧЕРКАШОВА

Ночь в пределах времени

«Автор»

2026

ЧЕРКАШОВА А.

Ночь в пределах времени / А. ЧЕРКАШОВА — «Автор», 2026

Эмилия Блэк — девушка с ледяным сердцем, чья жизнь построена на контроле, сарказме и непробиваемой броне из цинизма. Она не верит в любовь. Не верит в слабость. И уж точно не верит в то, что может влюбиться в самого раздражающего, самоуверенного и опасно красивого парня на факультете юриспруденции. Он — Кейн Вейланд. Холодный, блестящий, с улыбкой, от которой тает даже лёд в её глазах. Он знает, что она его ненавидит. И именно поэтому предлагает пари: «Кто первый скажет я люблю тебя — проигрывает». Правила просты. Но чувства — никогда. По мере того как дни пари превращаются в недели, их война превращается в танец. Каждый взгляд — вызов. Каждое слово — оружие. Каждая близость — пытка. Они сражаются. Они издеваются. Они лгут. Но чем сильнее они отрицают — тем громче кричит сердце. Пари началось. А конец Ещё не написан.

© ЧЕРКАШОВА А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

АЛИСА ЧЕРКАШОВА

Ночь в пределах времени

Глава 1

Глава 1. Я ненавижу тебя, и это начало всего

Я стою у окна своей квартиры на седьмом этаже, и дождь стучит по стеклу, как будто пытается ворваться внутрь. За спиной — тишина. Ни музыки, ни голосов, ни смеха. Только тиканье часов на кухне, которое, кажется, отсчитывает не минуты, а мои оставшиеся нервы. За окном — серый город, серые лица, серые мысли. А внутри — огонь. Огонь, который я держу под семью замками, потому что, если выпущу — сгорит всё. Включая меня.

Меня зовут Эмилия Блак.

Нет, это не имя из дешёвого романа про вампиров или детективов с амнезией. Это моё настоящее имя. Эмилия. Звучит, как чашка чая с лавандой и сломанным сердцем. А Блак? Ну, чёрный. Как моё настроение. Как мои мысли по утрам. Как моё отношение к одному конкретному человеку.

Я ненавижу его.

Не просто не люблю. Не раздражаюсь. Не игнорирую. Я ****ненавижу****. С той самой минуты, как его голос впервые прозвучал в моей жизни, как будто кто-то поцарапал ножом по стеклу, я почувствовала — это мой личный апокалипсис. И он пришёл в костюме от Armani и с улыбкой, от которой у меня до сих пор сводит желудок.

Но давайте начнём сначала. Потому что ненависть — не родилась в один день. Она выросла. Как сорняк. Как опухоль. Как привычка, от которой невозможно избавиться.

Я родилась в семье, где любовь измерялась деньгами, а внимание — количеством подписчиков в соцсетях. Отец — успешный юрист, который считает, что эмоции — это слабость. Мама — бывшая модель, которая до сих пор не поняла, что ей уже за пятьдесят, и продолжает носить мини-юбки, вызывая у прохожих больше жалости, чем восхищения. Я была для них... ну, как пыль на полке с наградами. Есть, но не мешай.

Школа? О, это был мой первый полигон. Я не была ни слишком красивой, ни слишком умной, но была слишком... правдивой. Говорила то, что думаю. И это стоило мне дружбы, приглашений на вечеринки и даже шанса поцеловаться с парнем из старших классов. А потом — университет. Юриспруденция. Да, я пошла по стопам отца. Не потому что хотела. А потому что это было ожидаемо. Как дождь в ноябре. Как смерть. Как встреча с ним.

Он вошёл в мою жизнь в понедельник.

Понедельник — день, который я ненавижу больше всего. А этот был особенно мерзким. Дождь. Пробки. Потерянный зонт. И лекция по корпоративному праву, на которую я опоздала на двадцать минут. Я ворвалась в аудиторию, мокрая, злая, с папкой, из которой вывалились все листы. Все смотрели. Все смеялись. Ну, почти все.

Он — нет.

Он сидел в третьем ряду, в центре, как будто это был его трон. С расстёгнутым пиджаком, галстук чуть ослаблен, волосы идеально уложены, будто он только что со съёмок рекламы дорогих часов. Он не смеялся. Он смотрел. Спокойно. Холодно. Как будто раздевал меня взглядом до костей. И вдруг — улыбнулся. Не дружелюбно. Не сочувственно. Саркастично. Как будто знал, что я упаду, и ждал этого.

— Ну что, Блак, — произнёс он, когда я пыталась собрать свои бумаги, — в следующий раз лучше приходи в дождевике. Или, может, просто не приходи вообще?

Голос. Господи, этот голос. Низкий, плавный, как шёлк, но с ноткой льда, которая впивается в кожу. Я подняла глаза. Он смотрел на меня, и в его глазах — ни капли жалости. Только вызов.

— А ты, Кейн, лучше не приходи вообще, — выпалила я, не думая. — Может, тогда лекции станут полезнее.

Тишина.

Даже преподаватель замер.

А он... он рассмеялся. Не громко. Тихо. Как будто я сказала что-то забавное. Как будто это была шутка. А потом, не отводя взгляда, сказал:

— О, Блак. Я начинаю тебя понимать. Ты не просто заноза. Ты — настоящая бомба. Жаль, что взрываешься не вовремя.

Я села на своё место, дрожа от злости.

Но в этот момент я ещё не знала, что это был только первый ход в нашей игре.

Что он — не просто парень, который раздражает.

Что он — мой враг.

Что он — тот, кого я буду ненавидеть.

И, возможно... тот, кого я в итоге полюблю.

Но это — потом.

Сейчас я просто ненавижу.

Ненавижу его улыбку. Его уверенность. Его способность быть правым даже тогда, когда он явно не прав. Ненавижу, как он смотрит на меня, как будто видит всё. Как будто знает, что я боюсь. Что я одинока. Что я мечтаю о том, чтобы кто-то сказал: «Эмилия, ты важна».

Но он не скажет.

Он скажет: «Ты проиграла».

Потому что мы заключили пари.

Три недели назад.

На лестнице факультета.

Он — с книгой в руке. Я — с кофе в руке.

Он — с ухмылкой. Я — с гневом.

— Давай поспорим, — сказал он. — Кто первый скажет «я люблю тебя» — проигрывает.

— Ты сошёл с ума? — фыркнула я.

— Возможно. Но ты согласна?

Я хотела сказать «нет».
Но что-то внутри зашевелилось.
Гордость. Ярость. Любопытство.
И я кивнула.

— Хорошо. Но если ты проиграешь — уйдёшь с факультета.

Он усмехнулся.

— А если проиграешь ты — будешь встречаться со мной. По-настоящему. Без сарказма. Без масок. Три свидания. По моему выбору.

Я засмеялась. Громко. Настоящим смехом.

— Да ты спятил. Я бы предпочла провести неделю в карцере.

— Значит, боишься? — его глаза блеснули. — Боишься, что не выдержишь? Что сломаешься? Что почувствуешь?

Я сжала кулаки.

— Я не чувствую. Особенно к таким, как ты.

— Вот и проверим, — сказал он, и его голос прозвучал, как приговор.

Пари началось.
С этого момента.
И я не знала, что три недели превратятся в пытку.
Что каждый его взгляд — будет как удар.
Каждое слово — как вызов.
Каждая встреча — как бой.

Но я не сдамся.
Потому что я — Эмилия Блэк.
И я ненавижу его.
И это — только начало.
Глава 2. Пари начинается, а ад — уже здесь

Пари началось в тот же день.
Не с объявления. Не с договора. Не с подписей.
Оно началось с того, что он вошёл в аудиторию на следующий день — и сел не на своё место.
Он сел рядом со мной.

— Что ты делаешь? — прошипела я, не отрывая глаз от конспекта.

— Сажусь, — спокойно ответил он, раскрывая блокнот. — У нас одна пара. Я имею право.

— Ты садишься туда, где всегда сидел. Вон там. — Я кивнула в сторону третьего ряда.

— Передумал. Теперь мне нравится здесь. Рядом с тобой. Свежий воздух. Запах злости. Очень бодрит.

Я резко повернулась к нему. Он смотрел прямо перед собой, будто ничего не произошло. Но уголок его губ дёрнулся. Улыбка. Тихая. Ядовитая. Та, от которой хочется врезать.

— Ты не выиграешь, — прошептала я. — Я не скажу этого. Никогда.

— Мы посмотрим, — ответил он, не глядя на меня. — Кстати, ты пахнешь ванилью. Странно. Для такой ядовитой особы.

Я замерла.

Он *заметил*?

Мой парфюм?

Я купила его месяц назад — «Vanilla Smoke» — тёплый, сладковатый, с нотками дыма. Я нанесла его утром почти машинально. Не для кого-то. Для себя. Чтобы почувствовать себя... мягче. Человечнее.

А он заметил.

И сказал.

Как будто знает меня.

— А ты пахнешь самодовольством, — бросила я. — И, возможно, дорогим мылом. Или это просто твой естественный аромат?

Он усмехнулся.

— Нет, это *Acqua di Parma*. Но спасибо за комплимент.

— Это не комплимент.

— А я и не сказал, что ты комплиментила.

Преподаватель начал лекцию. Я пыталась писать, но рука дрожала. Не от страха. От злости. От этого его присутствия. От того, как он сидит, будто это его право. Как будто он уже победил.

После пары я выскочила из аудитории первой.

Но он догнал меня у выхода.

— Блак, — сказал он, опершись о стену. — У тебя кофе пролился на блокнот.

Я посмотрела. Да. Чёрная лужица растекалась по странице с моими заметками.

— Спасибо, — бросила я, вытаскивая салфетку.

— Ты всегда такая напряжённая? — спросил он, не двигаясь.

— А ты всегда такой надоедливый?

— Только когда вижу, что могу раздражать кого-то по-настоящему. Это... вдохновляет.

Я посмотрела на него. Впервые по-настоящему. Не мельком. Не мельком, как будто он просто помеха. Я посмотрела в его глаза. Серые. Холодные. Но с искрой. Как угли под пеплом.

— Ты думаешь, ты меня сломаешь? — спросила я тихо. — Что я сдамся? Что заплачу? Что скажу это?

— Нет, — сказал он. — Я думаю, ты *почувствуешь*. А это страшнее.

Я засмеялась. Но смех вышел нервным. Фальшивым.

— Я не чувствую. Особенно к тебе.

— Тогда почему ты дрожишь?

Я замерла.

Он прав.

Я дрожала.

От злости? От страха? От чего-то ещё?

— От отвращения, — сказала я. — От тебя. От твоего голоса. От твоего присутствия.

— Ложь, — прошептал он, делая шаг ближе. — Ты дрожишь, потому что боишься, что я прав. Что между нами — не просто ненависть. Что это... энергия. Химия. Что-то, что ты не можешь контролировать.

Я отступила.

— Ты псих. И я не играю в твои игры.

— А ты уже в них, — сказал он, улыбаясь. — С первой минуты. Ты просто ещё не поняла.

Вечером я сидела на балконе с чашкой чая. Дождь кончился. Город дышал влажной тишиной. Я пыталась читать. Но мысли крутились вокруг него. Вокруг его слов. Его взгляда. Его голоса.

Я вспомнила, как он сказал: *«Ты пахнешь ванилью»*.

Как будто это что-то значило.

Как будто он *обратил внимание*.

Я вспомнила, как он сел рядом со мной.

Как будто имел на это право.

Как будто знал, что я не откажусь.
Что я не встану и не уйду.
Что я останусь.
Потому что... мне было интересно.

Я резко встала.
Нет.
Я не чувствую.
Я не слабею.
Я не проиграю.

Но в тот момент я впервые задумалась:
А что, если проиграть — это не самое страшное?
А если самое страшное — это понять, что ты *хочешь* проиграть?

На следующий день он не пришёл на пару.
Я села на своё место.
Потом — в третьем ряду.
Потом — снова в своё.
Я не искала его.
Я просто... чувствовала пустоту.

А в конце дня получил сообщение.
Без имени. Без номера.
Просто текст.

«Ты скучаешь?»

Я удалила его.
Но ответила.
Одно слово.

«Нет.»

Через минуту — новое сообщение.

«Ложь. Ты даже не ушла с пары. Ждала. Я видел.»

Я бросила телефон на стол.
Сердце билось слишком быстро.
Слишком громко.
Слишком... по-человечески.

Пари идёт второй день.
Я ненавижу его.
Я не скажу «я люблю тебя».
Я не сдамся.
Я не сломаюсь.

Но, чёрт возьми...

Почему мне так хочется, чтобы он появился снова?

Глава 3. Трещина в броне

Он не появлялся три дня.

Ни на лекциях. Ни в библиотеке. Ни в столовой. Ни в моих снах.

Хотя... нет.

В снах — появлялся.

И это хуже всего.

Я видела его вчера ночью.

Мы стояли на крыше здания факультета. Дождь. Ветер. Он говорил что-то, но я не слышала. Только чувствовала — его голос вибрирует в моих костях. Потом он подошёл ближе. Очень близко. Так, что я чувствовала его дыхание. И вдруг — сказал:

«Ты уже проиграла. Просто ещё не сказала.»

Я проснулась в поту.

Сердце — как будто хочет вырваться.

Окно — открыто.

Тишина.

Я ненавижу сны.

Они — предатели.

Они показывают то, что я прячу даже от себя.

На четвёртый день он вернулся.

Не с пафосом. Не с улыбкой. Просто вошёл в аудиторию, как будто и не исчезал. Сел не рядом со мной. Сел вон там — в третьем ряду. Там, где всегда сидел.

Я почувствовала облегчение.

И... разочарование.

Что со мной не так?

Лекция шла. Я пыталась писать. Но глаза сами съезжали на него. Он выглядел уставшим. Под глазами — тени. Волосы — не такие идеальные, как обычно. На шее — царапина. Мелкая. Но я её заметила.

Я не спрашивала.

Я не *должна* была спрашивать.

Но вечером, когда я шла к метро, он появился из тени у входа в парк.

— Блэк, — сказал он. — Поговорим.

Я остановилась.

— У нас нет о чём говорить.

— Есть.

— Тогда говори.

— Не здесь.

— А где? В твоём воображении? Где ты уже победил?

Он усмехнулся.

— Нет. В реальности. Где ты уже проиграла.

Я развернулась, чтобы уйти.

— Подожди, — сказал он. — Я был в больнице.

Я замерла.

— Что?

— Три дня. Аппендицит.

Я медленно обернулась.

— Серьёзно?

— А ты думала, я сбежал? Что испугался?

— Я думала, ты просто решил не мучить меня.

— А я скучал.

Я посмотрела на него. В его глазах — не насмешка. Не вызов. Что-то другое. Что-то тёплое. Опасное.

— Не надо, — сказала я. — Не начинай.

— Что — не начинай?

— Играть в человека. В уязвимого. В того, кого можно... пожалеть.

— А ты пожалела?

— Нет.

— Ложь.

— Я не пожалела. Я просто... не хотела, чтобы ты умер. Из-за глупого пари.

— Значит, тебе не всё равно.

— Мне не всё равно, что ты умрёшь. Это не значит, что я тебя люблю.

— А что, если любовь — это когда не всё равно?

Я замолчала.

Он сделал шаг ближе.

— Эмилия. Я знаю, ты ненавидишь меня. Я знаю, ты считаешь меня высокомерным, надменным, раздражающим. И ты права. Я таким и есть. Но я также вижу тебя. Всю. Не только гнев. Не только сарказм. Я вижу, как ты держишься. Как не плачешь. Как боишься быть слабой.

— Хватит, — прошептала я.

— Нет. Не хватит. Потому что я не уйду. Я не сдамся. И я не позволю тебе притворяться, что между нами — просто война.

— А что тогда?

— Что-то большее.

— Я не хочу большего.

— Ты уже хочешь. Просто боишься назвать это по имени.

Я посмотрела на него. На его царапину. На тени под глазами. На руку, которой он держался за бок, будто боль ещё не ушла.

И вдруг...

Я почувствовала.

Не гнев.

Не злость.

А...

Страх.

Не за себя.

За него.

Я резко отвернулась.

— Уходи.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл?

— Да.

— Ложь.

— Уйди, Кейн.

— Хорошо.

Он развернулся.
Пошёл.
Медленно.
С лёгкой походкой.

Я стояла.
Не двигалась.
Не смотрела.

Но когда его шаги затихли — я обернулась.

Он стоял у края тротуара.
Не ушёл.
Смотрел на меня.

— Я не уйду, — сказал он. — Ни сегодня. Ни завтра. Ни через месяц. Я буду здесь. Пока ты не скажешь. Пока не почувствуешь. Пока не поймёшь, что мы — не враги.

— А кто мы? — спросила я.

— Пари.
— Это не ответ.

— А ты уже знаешь ответ. Просто боишься его услышать.

Он ушёл.
На этот раз — по-настоящему.

Я стояла.
Долго.
Пока не почувствовала, как по щеке скатилась слеза.

Я её смахнула.
Резко.
Грубо.

Но это не помогло.
Потому что трещина появилась.
В броне.
В сердце.
В лжи, которую я рассказывала себе.

Я ненавижу его.
Да.
Но...

Чёрт возьми...

Я начинаю бояться, что этого уже недостаточно.

Пари идёт пятый день.

Я не сказала «я люблю тебя».

Но я впервые заплакала.

И это — хуже.

Потому что слёзы — это не ненависть.

Это уже что-то другое.

И я боюсь, что скоро не смогу вспомнить, как ненавидеть.

Глава 4. Ошибка

Я совершила ошибку.

Одну.

Маленькую.

Незаметную.

Но смертельную.

Я спросила: «Как ты себя чувствуешь?»

Всё.

Этого хватило.

Это было утром. Я шла на пару, он стоял у входа, прислонившись к стене, с чашкой кофе в руке. Бледный. Уставший. Но всё ещё невозмутимый. Я хотела пройти мимо. Хотела. Но остановилась.

— Как ты себя чувствуешь? — вырвалось само.

Он медленно поднял глаза.

— Ты *спрашиваешь*?

— Я просто... — Я замялась. — Ты выглядишь как мертвец.

— Спасибо. Очень романтично.

— Это не комплимент.

— А я и не сказал, что ты комплиментишь.

Он улыбнулся. Не саркастично. Не язвительно.
По-настоящему.

И в этот момент я поняла — я проиграла.

Не потому что сказала «я люблю тебя».

А потому что *забеспокоилась*.

— Ты не должна была спрашивать, — сказал он тихо. — Это нарушает правила.

— Какие правила?

— Правила пари. Нельзя проявлять заботу. Нельзя интересоваться. Нельзя... чувствовать.

— Я не чувствую. Просто не хочу, чтобы ты умер у меня под ногами. Это испортит мне день.

— Ложь, — прошептал он. — Ты *захотела* спросить. Значит, тебе *не всё равно*. А это — начало конца.

Я отвернулась.

— Забудь. Я больше не буду.

— А я *хочу*, чтобы ты спрашивала.

Я резко обернулась.

— Ты не имеешь права.

— Право — у тех, кто побеждает. А я уже побеждаю.

— Ты ещё ничего не выиграл.

— Я уже выиграл. Потому что ты *заметила*, что я бледный. Потому что ты *остановилась*. Потому что ты *спросила*.

Я сжала кулаки.

— Это ничего не значит.

— Значит. Это значит, что ты *видишь* меня. Не как врага. Не как раздражитель. А как человека.

— Я не хочу видеть тебя как человека.

— А я хочу, чтобы ты видела.

Он сделал шаг вперёд.

— Хочешь знать, что я чувствовал в больнице?

— Нет.

— Врунья.

— Ладно. Говори.

— Я думал о тебе.

Я замерла.

— Что?

— Три дня. Боль. Лекарства. И я думал: «А вдруг она придет? А вдруг спросит? А вдруг... скажет, что скучает?»

— Ты псих.

— А ты — нет. Ты просто боишься быть настоящей.

— Я настоящая.

— Нет. Ты — броня. Лёд. Стена. А я хочу добраться до того, что внутри.

— Там ничего нет.

— Есть. И я это чувствую.

Я посмотрела на него. На его серые глаза. На шрам на шее. На руку, которой он держал чашку, будто боялся уронить.

И вдруг...

Я захотела прикоснуться.

Просто — к его руке.

Проверить, тёплый ли он.

Живой ли.

Я сжала пальцы.

Не сделала этого.

— Уходи, — сказала я.

— Нет.

— Я не хочу тебя видеть.

— Хочешь. Просто не готова признать.

— Я не проиграю.

— Ты уже проиграла. Просто ещё не сказала.

Он развернулся и ушёл.

А я стояла.
Сердце — как будто бьётся впервые.

Я совершила ошибку.
Я *заботилась*.
А это — начало конца.

Но самое страшное?
Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Пари идёт шестой день.
Я не сказала «я люблю тебя».
Но я спросила, как он себя чувствует.
И это — хуже.

Потому что забота — это уже признание.
А я...
Я начинаю бояться, что хочу проиграть.
Глава 5. Война внутри

Я начала сходить с ума.
Не метафорически.
Не драматизируя.
Я *действительно* схожу с ума.

Каждое утро я просыпаюсь с одной мыслью: *«Он будет сегодня на паре?»*
И каждый вечер — с другой: *«Почему он не написал?»*

Я не должна думать об этом.
Я *не хочу* думать об этом.
Но он — везде.

В моих мыслях.
В моих снах.
В каждом проклятом взгляде, который я ловлю на себе в аудитории.

Потому что он смотрит.
Всегда.
Даже когда делает вид, что нет.

Сегодня он пришёл с книгой.
Не учебник.
Не конспект.
Тонкая, старая, с потрёпанным переплётом.
Я наклонилась, пытаюсь разглядеть название.

— Интересуешься? — спросил он, не отрывая глаз от страниц.

— Просто любопытно, чем ты заполняешь пустоту в своём мозгу.

— Поэзией.

Я уставилась на него.

— Что?

— Поэзия. Слова. Чувства. Рифмы. Ты, наверное, не в курсе.

— Ты издеваешься.

— Нет. Это «Стихи о любви и одиночестве» Анны Ахматовой.

Я замерла.

Ахматова.

Я читала её.

Тайно.

Ночью.

Когда мне было семнадцать, и я впервые поняла, что любовь — это не сказка.

А боль.

— Почему именно она? — спросила я тихо.

— Потому что она писала о том, что нельзя сказать вслух. О том, что рвёт изнутри. О том, что остаётся, когда всё кончается.

— И ты... чувствуешь это?

— А ты?

Я отвела взгляд.

— Я не чувствую.

— Ложь. Ты читала её. Значит, *искала* что-то.

— Это не значит, что я ищу сейчас.

— А я думаю — ищешь. Только боишься признать.

Он перевернул страницу.

Тишина.

Я смотрела на его пальцы.

Длинные. Тонкие.

Один — с царапиной.

— Почему ты цепляешься за меня? — спросила я вдруг.

— А ты цепляешься за ненависть.

— Это защита.

— А я — твой вирус. Я проникаю внутрь. Ломаю систему.

— Ты разрушитель.

— А ты — крепость. Но даже самые крепкие стены падают.

Я резко встала.

— Я ухожу.

— Беги, — сказал он спокойно. — Это помогает. На пять минут.

Я вышла.

Но не ушла.

Остановилась за дверью.

Слушала.

Он не двигался.

Не встал.

Не пошёл за мной.

И это...

Это было хуже всего.

Потому что я *хотела*, чтобы он пошёл.

Вечером я сидела в библиотеке.

Читала не юриспруденцию.

Читала Ахматову.

> *«Я научилась просто, мудро жить —

> Смотреть на небо и молиться Богу...»*

Я закрыла книгу.

Сжала её.

Почувствовала, как по щеке снова скатилась слеза.

Я не плачу.

Я *не плачу*.

Но она вырвалась.

Как предатель.

Как признание.

Я открыла телефон.

Нашла его номер.

Не писала.

Просто смотрела.

И вдруг — он написал сам.

«Ты взяла её?»

Я не поняла.

Потом — поняла.

Книгу.

«Нет.»

Через секунду — ответ.

«Ложь. Я видел, как ты смотрела. Хочешь — принесу.»

Я не ответила.

Но через десять минут он появился в библиотеке.

С той же книгой.

Поставил её на стол.

— Держи.

— Я не просила.

— А я не спрашивал.

Он сел напротив.

— Почему ты ненавидишь меня, Эмилия?

— Потому что ты раздражаешь.

— Это не причина.

— Потому что ты слишком уверен в себе.

— А ты — слишком не уверена.

— Я уверена.

— В чём? В том, что ты сильная? В том, что тебе никто не нужен? В том, что любовь — это слабость?

— Да.

— А я думаю — ты боишься.

— Чего?

— Что, если ты *не* сильная? Что, если тебе *нужен* кто-то? Что, если любовь — это не слабость, а единственное, что делает тебя живой?

Я посмотрела на него.

— А если я скажу, что ты прав?

— Тогда ты проиграла.

— А если я скажу, что ты неправ?

— Тогда ты всё ещё боишься.

Я взяла книгу.

— Уходи.

— Хорошо.

Он встал.

Потом остановился.

— Завтра у меня день рождения.

— Поздравляю.

— Я не прошу поздравлений. Я прошу — приди.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу быть частью твоей жизни.

— А я уже часть твоей.

Он ушёл.

А я сидела.

С книгой на коленях.

С сердцем, которое билось слишком громко.

Пари идёт седьмой день.

Я не сказала «я люблю тебя».

Но я взяла его книгу.

И это — почти то же самое.

Потому что книги — это признание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.